

УДК 323+316.334.56

Саския Сассен

профессор социологии кафедры Роберта Линда
и сопредседатель Комитета глобальной мысли
Колумбийского университета, Нью-Йорк, США.
E-mail: sjs2@columbia.edu

ГОРОД КАК ПРИЗМА ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ¹

В статье рассмотрено, каким образом социологические исследования городов могут способствовать выработке знания и аналитических инструментов, позволяющих понять происходящие сегодня масштабные трансформационные процессы. Социология города обладала этим потенциалом в начале XX в., когда индустриализация приводила к серьезным изменениям в развитии городов. Главный тезис статьи заключается в том, что сегодня глобализация схожим образом порождает глубокие изменения, которые становятся заметными в городах, особенно в глобальных. Ключевой вопрос состоит в том, проявляют ли себя эти масштабные трансформации в достаточно сложных и мультивалентных устойчивых городских формах, позволяющих конструировать на их основе самостоятельные предметы исследований, которые дают возможность выйти за границы рассмотрения городского «момента» глобального процесса или состояния. Рассмотрение городского «момента» масштабного процесса делает его доступным для эмпирических исследований, что могло быть недостижимо в случае с другими фазами его развития. В то же время такая урбанизация глобальных процессов смещает фокус рассмотрения города в качестве объекта исследования. И это второй вопрос, который определяет характер настоящей статьи: о чем именно мы говорим сегодня, когда используем конструкт города.

Ключевые слова: социология города, глобальный город, транснациональные процессы, глобализация, транснациональная политическая география, политическая субъективность, новые политические акторы.

Город долгое время являлся объектом стратегического значения для исследования многих важных проблем, с которыми сталкивались общество и социологическая наука. Но он не всегда представлял собой эвристическое пространство – пространство, способное производить знание о наиболее значимых изменениях своего времени. В первой половине XX в. исследования городов находились в самом центре внимания социологической науки. Об этом свидетельствуют работы Зиммеля, Вебера, Беньямина, Лефевра и в наибольшей степени – представителей Чикагской школы, в особенности Парка и Вирта, испытавших глубокое влияние немецкой социологии. Эти социологи стали свидетелями масштабных процессов –

¹ Статья впервые опубликована в журнале “City, Culture and Society”, 2010, Vol. 1, № 1. P. 3-11. Перевод статьи публикуется с любезного согласия правообладателя.

индустриализации, урбанизации, отчуждения и возникновения новой культурной формации, которую они назвали «урбанность»¹. Изучение города не было просто изучением аспектов «городского». Оно предполагало изучение наиболее значимых социальных процессов своего времени. С той поры исследование города, а вместе с ним и социология города постепенно утратили свою привилегированную роль в качестве призмы, позволяющей выявлять состояние дисциплины, а также в качестве источника ключевых аналитических категорий. Этому существует множество причин, наиболее важные из которых связаны с особенностями развития методов и анализа данных социологической науки в целом. Решающим оказалось то обстоятельство, что город перестал быть главной осью эпохальных трансформаций, а следовательно и стратегическим объектом для анализа «негородских» процессов. Социология города все в большей степени стала заниматься тем, что принято называть «социальными проблемами».

Сегодня, когда мы входим в новый век, город вновь превращается в стратегически значимый объект для понимания ряда важных тенденций, перестраивающих социальный порядок. Город и метрополитенский регион становятся тем стратегически важным пространством, в котором находят материальное воплощение ключевые макросоциальные тенденции современности, представляя таким образом в виде объекта для исследования. Среди этих тенденций – глобализация, рост новых информационных технологий, интенсификация транснациональной и транслокальной динамики развития, а также усиливающееся присутствие и проявление особых типов социокультурного многообразия. Для каждой из этих тенденций характерны свои особые условия, содержание и последствия. Городской «момент»² является всего лишь одной из составляющих в зачастую сложных и многосторонних процессах.

Социология города в состоянии улавливать подобного рода изменения. Другие отрасли социологии могут использовать городской «момент» для конструирования собственного предмета исследования, даже если он связан с проблемами «негородского» характера. К тому же города представляют собой пространство, в котором каждая из этих тенденций взаимодействует с другими особым и сложным способом, невозможным при любых других условиях. Такое возвращение интереса к городу как объекту изучения важнейших процессов современности наблюдается и в других дисциплинах. Антропология, экономическая география, культурные ис-

¹ Используемое Сассен понятие *urbanity* может быть переведено на русский язык как «городская жизнь» или «городской уклад». Однако поскольку понятия «городская жизнь» и «городской уклад» несут с собой дополнительные смысловые коннотации, мы предпочитаем сохранить дословный перевод термина *urbanity* как «урбанность». – *М.И.*

² Мы прибегаем к дословному переводу используемого Сассен понятия «*urban moment*», поскольку оно несет в себе двойную смысловую нагрузку. С одной стороны, оно обозначает отдельный аспект глобальных процессов, предполагающий наличие урбанистической, «городской» составляющей в их развитии. С другой – подчеркивает сам временной аспект их развития, его конкретную фазу, то есть собственно «момент». – *М.И.*

следования и литературоведение внесли весомый вклад в формирование знаний о городе; так, в последнее время экономисты в своих исследованиях начинают обращаться к проблемам экономики города и регионального развития в ракурсе, отличном от старой традиции экономики города, утратившей большую часть своей силы и убедительности.

Все эти обстоятельства определяют один из ключевых вопросов, поднимаемых настоящей статьей. В состоянии ли социологические исследования городов способствовать выработке знания и аналитических инструментов, которые помогли бы нам понять происходящие сегодня масштабные трансформационные процессы, как это уже было ранее в предшествующем столетии? Важнейшая проблема здесь заключается в том, проявляют ли себя эти масштабные трансформации в достаточно сложных и мультивалентных устойчивых городских формах, позволяющих конструировать на их основе самостоятельные предметы исследований. Городской «момент» масштабного глобального процесса делает его доступным для эмпирических исследований, что могло быть недостижимо в случае с его другими составляющими. В то же время такая урбанизация (пусть и как составная часть более крупного процесса) смещает фокус рассмотрения города в качестве объекта исследования: о чем именно мы говорим сегодня, когда используем конструкт города? И это второй вопрос, который определяет характер настоящей статьи.

В данном случае я рассматриваю эти исследовательские и теоретические вопросы, уделяя особое внимание глобализации, росту новых информационных технологий, интенсификации транснациональной и транслокальной динамики развития, а также усиливающемуся присутствию и проявлению особых типов социокультурного многообразия. Все эти тенденции определяют характер наиболее острых протекающих сегодня изменений, которые социальной теории следует учитывать в гораздо большей степени, чем она это делает сейчас. Безусловно, проблемы социокультурного многообразия на сегодняшний день являются концептуально и эмпирически наиболее разработанными. Поэтому что касается данной области исследований, то я ограничу ее рассмотрение теми вопросами социокультурного многообразия, которые неразрывно связаны с другими ключевыми тенденциями современного развития, анализируемыми в статье. Существует обширный объем литературы, посвященный и этим трем тенденциям, но по большей части он охватывает дисциплины, не связанные с социологией и тем более социологией города.

Рассматриваемые тенденции не отражают большинства особенностей современного общества; наоборот, вполне вероятно, что существующая социальная реальность в своей основе остается зависимой от прежних устойчивых и знакомых направлений развития. Именно поэтому большинство традиций социологической науки и утвердившихся в ее рамках отдельных областей сохраняют свою значимость и продолжают формировать ядро дисциплины. Более того, существуют веские причины, почему социология города, как правило, совершенно не учитывает особенности и последствия этих

трех процессов, проявляющихся в городском пространстве: имеющихся исследовательских баз данных о городском развитии абсолютно недостаточно, чтобы оценивать ключевые тенденции современности на уровне города. Тем не менее, хотя эти тенденции затрагивают лишь отдельные аспекты городского развития и не могут ограничиваться исключительно проблемами урбанистики, их стратегическое значение состоит в том, что они смотрят на городскую среду по-новому, превращая ее в ключевой объект исследования при анализе важнейших современных процессов.

Концептуальные основания. Глобализация и новые информационные технологии являются одними из главных сил, перестраивающих сегодня социальные, экономические и политические отношения, а также формы субъективности. И глобализация, и современные телекоммуникации способствовали разрастанию транснациональных и транслокальных сетей, которые пересекают границы городов и государств и таким образом противоречат основным социологическим установкам и накопленным исследовательским базам данных. Традиционные инструменты социологии и социальной теории, не говоря уже о социологии города, в состоянии воспринимать лишь отдельные аспекты этих тенденций.

Исключение составляет молодое поколение социологов, среди представителей которого успела сложиться пока еще небольшая, но быстро развивающаяся исследовательская традиция, ориентированная на теоретическое осмысление и эмпирический анализ этих новых условий (среди основоположников этого направления [см., напр.: 3; 13; 16; 37; 45; 46; 64; 93]). В области экономической географии [напр.: 49; 73] и культурных исследований [напр.: 20; 57] также появились серьезные работы, принадлежащие молодому поколению ученых.

Ряд социальных теоретиков [см., напр.: 5; 10; 35; 77] исследовали «естественный этатизм», принципы которого стали характерными для всех социальных наук, превратившись в одно из препятствий для обстоятельного осмысления обозначенных проблем. В основе «естественного этатизма» лежит явное или неявное допущение о том, что государство является вместилищем социальных процессов. К этому я бы добавила еще две характеристики: предполагаемое соответствие между территорией национального государства и национальным уровнем управления и подразумеваемое положение о том, что национальное и ненациональное выступают взаимоисключающими характеристиками.

Эти принципы успешно используются в социальных науках при анализе многих явлений. Но при этом являются бесполезными при объяснении большого количества ситуаций, когда дело касается глобализации и целого разнообразия транснациональных процессов, исследуемых сегодня социологами. Не помогают эти принципы и при разработке необходимой методики исследования. Более того, при описании состояний, сохраняющихся долгий период времени, – на протяжении почти всей истории существования современного государства начиная с первой мировой войны, а в

некоторых случаях и ранее – мы наблюдаем частичное размывание этих принципов¹. Так, например, я полагаю [67; 69: главы 1, 5 и 6], что одна из особенностей текущей фазы глобализации состоит в том, что протекание процесса в территориальных границах суверенного государства совершенно не обязательно делает его процессом национального характера. Наоборот, элементы национального (например фирмы, капитал, культуры) могут все чаще находиться за пределами территории национального государства, к примеру, в другой стране или в цифровых пространствах. Эта локализация глобального, или ненационального, в территориальных границах государства, а также локализация национального за пределами территории государства подрывают ключевой принцип дуальности, проходящий через множество подходов и концептуальных схем, доминирующих в социальных науках – принцип, согласно которому национальное и ненациональное взаимоисключают друг друга.

Частичное размывание национального имеет важные последствия для нашего анализа и теоретического осмысления таких масштабных социальных трансформаций, как глобализация, давая возможность сфокусировать внимание на городе в поиске значимых эмпирических проявлений этих процессов. Кроме того, оно имеет важные последствия для города как объекта анализа. Город долгое время являлся теоретическим конструктом, вокруг которого разворачивались дискуссии, будь то в ранних работах [12; 41; 47; 87] или более поздних трудах [11; 48; 56; 91]. Размывание границ национального и масштабных традиционных иерархий, сосредоточенных в пространстве национального государства, а вместе с этим рассмотрение города где-то между локальным и региональным уровнем, существенно поднимают теоретическую планку, если брать в расчет предшествующие концептуальные построения. Крупнейшие города исторически представляли собой узловые точки, в которых пересечение различных по характеру процессов было выражено особым образом. В условиях глобализации многие из этих процессов протекают на глобальном уровне, пересекая исторические границы и неся с собой дополнительные сложности. Города стано-

¹ В истории существовало множество периодов, когда территории подчинялись нескольким (или по крайней мере более чем одной) системам управления [69; Часть первая]. В этом смысле, наблюдаемое нами сегодня состояние, складывающееся на фоне процессов глобализации, является, вероятно, исторически достаточно распространенным, в то время как период после первой мировой войны – в который мы наблюдаем последовательное институциональное укрепление исключительной власти национального государства на своей территории – является историческим исключением. При этом категории анализа, исследовательские подходы и исследовательские базы данных социальных наук были в значительной степени разработаны именно в этот период. Таким образом, мы сталкиваемся с трудной задачей выработки теоретических и эмпирических норм, позволяющих оценивать факт существования сложной взаимосвязи между территорией и институциональными установлениями взамен простых отношений между национальным государством и суверенным правлением.

вятся территориальным масштабным¹ «моментом» трансурбанистической динамики². Такой город, однако, представляет собой не территориально ограниченную единицу, а сложную структуру, в которой проявляются различные трансграничные процессы и частично воспроизводятся в качестве условий городского развития [70]. Более того, такой тип города не может быть помещен в простую иерархию масштабов, в которой он займет место ниже государственного, регионального и глобального уровней. Он является частью глобального пространства и оказывается включен в глобальные процессы, нередко минуя национальный уровень. Некоторые города могли обладать такими возможностями задолго до нынешней эпохи; однако сегодня эти тенденции значительно усилились и приобрели такой масштаб, что могут рассматриваться в качестве фактора, способствующего наступлению качественно новой эры городского развития. Постоянный поиск теоретических инструментов анализа городов является одним из способов противостояния естественному этатизму и наблюдающемуся сегодня восстановлению пространственных иерархий.

Помимо проблемы преодоления естественного этатизма, существует проблема восстановления «места» в условиях глобализации, развития телекоммуникаций и усиления транснациональной и транслокальной динамик. Пожалуй один из парадоксов начала нового столетия заключается в том, что некоторые исследовательские вопросы, поднятые еще первым поколением Чикагской школы социологии города, сегодня вновь следует рассматривать как перспективные и стратегически важные для понимания современных проблем. Может возникнуть вопрос, насколько их методы окажутся полезными в восстановлении категории места [81; 25] в ситуации, когда такие процессы, как глобализация и развитие телекоммуникаций, четко дают понять, что «место» и элементы локального более не имеют значения. Роберт Парк и представители Чикагской школы рассматривали «естественные зоны» как географические области, возникающие в результате действия незапланированных изменений и факторов развития субкультур. Именно социология города использовала полевые работы в рамках социальной экологии и способствовала появлению глубоких исследований, которые четко отображали детальное распространение раз-

¹ Сассен использует в данном случае термин *scalar* (скалярный, линейный, масштабный), подчеркивая особую роль глобальных городов в процессе возникновения новой структуры глобального пространства и утверждения в ее рамках новой иерархии масштабов. Именно к понятию «иерархия масштабов» (*scalar hierarchy*) Сассен прибегает чаще всего, обращаясь к этой проблематике (см. далее). – *М.И.*

² Я давала этому теоретическое обоснование при рассмотрении сети глобальных городов, где последние отчасти выступали функцией этой сети. Например, развитие финансовых центров в Нью-Йорке или Лондоне поддерживается потоками, идущими через всемирную сеть финансовых центров, которая обеспечивает уменьшение государственного вмешательства в национальную экономику. Города на вершине этой глобальной иерархии концентрируют в себе потенциал для максимизации извлечения прибыли, если так можно выразиться.

личных «естественных зон», обнаруженных в Чикаго, и предполагали существование их функциональной взаимодополняемости¹.

Тем не менее старых категорий недостаточно. Некоторые важнейшие тенденции, проявляющиеся сегодня в городах, в том числе городской «момент» «негородских» процессов, ставят под сомнение эффективность основных способов теоретического и эмпирического анализа городской жизни. Полевые исследования являются важным шагом в отражении многих новых аспектов городского развития, включая те, которые связаны с основными тенденциями современности, рассматриваемыми в настоящей статье. Однако предполагаемая взаимодополняемость и функционализм возвращают нас к взгляду на город как на территориально ограниченное пространство, а не на место, пусть и стратегическое, в котором многочисленные трансграничные процессы пересекаются друг с другом и производят особые социально-пространственные порядки. Добиться восстановления «места» с помощью исследовательских методов Чикагской школы социологии города можно лишь частично [см., напр.: 17]. Я действительно полагаю, что нам необходимо вернуться к глубокому изучению городских зон, представленному Чикагской школой, и к попытке использования метода подробного картографирования. Этнографические исследования, проведенные Данейером [26] и авторами книги, вышедшей под редакцией Майкла Буравого [30], а также тип пространственного анализа, разработанный Харви [43] и авторами «Глобальных сетей» [91], демонстрируют яркие примеры использования многих методик, все еще продолжающих работать при различном наборе гипотез.

Но это лишь часть проблемы восстановления «места». Крупные города по всему миру являются пространством, в котором многочисленные глобализационные процессы принимают конкретные локализованные формы. Эти локализованные формы в значительной степени и представляют собой то, что принято называть глобализацией. Восстановление «места» означает восстановление множественности присутствий в этом ландшафте. Сегодняшний крупный город возник как стратегическое пространство для разворачивания целого ряда новых видов деятельности – политической, экономической, «культурной», субъективной [2; 4; 20; 21; 24; 65; 82; 85; 88]. Это одно из тех пространств, в котором появление новых требований материализуется и приобретает конкретные формы. Потеря власти на национальном уровне делает возможным образование новых форм власти и политики на субнациональном уровне. Более того поскольку национальное государство как вместилище социальных процессов и власти дает трещину [напр.: 6; 59; 75; 78], открываются возможности для политической географии, соединяющей субнациональные пространства через трансграничные связи. Города являются ключевым звеном в этой новой географии. Вопрос заключается в том, присутствуем ли мы сегодня

¹ Это можно увидеть в таких ранних работах, как «Танцевальный зал» (“The Taxi Dance Hall”), «Золотой берег и трущобы» или в более поздних трудах [см., напр.: 66].

при формировании нового вида транснациональной политики, которая локализуется в этих городах.

Иммиграция, например, является одним из важнейших процессов, благодаря которому новая транснациональная политическая экономия утверждается как на макроуровне глобальных трудовых рынков, так и на микроуровне стратегий выживания домашних хозяйств. Она глубоко проникла в крупные города, поскольку именно в крупных городах таких развитых стран, как США и Япония, а также стран Западной Европы, концентрируется большинство мигрантов [9; 15; 34; 50]. По мнению ряда ученых [15; 18; 29; 32; 54; 67, глава 6: часть 1; 74], это один из определяющих процессов глобализации, который тем не менее не признается таковым в наиболее передовых работах по глобальной экономике. Город является ключевым объектом для эмпирических исследований этих транснациональных потоков и стратегий домашних хозяйств.

Глобальный капитал и новые трудовые мигранты – два важнейших примера транснационализированных акторов, которые, с одной стороны, обладают свойствами единого целостного актора, не признающего границ, а с другой – одновременно конкурируют друг с другом внутри городов [4; 71, глава 1]. Анализ и осмысление этих проблем требуют новых подходов, отличающихся от традиционных способов изучения политических элит, местных политических партий, соседских ассоциаций, иммигрантских сообществ и других привычных форм, через которые в социологии принято рассматривать политический ландшафт городов и метрополитенских регионов.

В трех последующих частях статьи я остановлюсь на этих вопросах более подробно.

Город как объект для исследования глобальной информационной экономики. Понятие города является сложным, неопределенным и нагруженным специфическими историческими смыслами [напр.: 12; 27; 40; 42; 48; 81]. Более абстрактной категорией, возможно, является категория центральности, которая представляет собой определяющую характеристику городов, исторически ими воспроизводимую. Исторически центральность была глубоко укоренена в идее центрального города. Одним из изменений, принесенных современными тенденциями развития, стало возникновение новой конфигурации центральности: сегодня центральный город является лишь одной из возможных форм центральности. Образующиеся сегодня пространства, в которых утверждается центральность, включают в себя как новые транснациональные сети городов, так и электронное пространство [14; 28; 38; 58].

Обращение к категории центральности необязательно означает рассмотрение вопросов, связанных с границами городов и определением того, чем город является на самом деле. Эти проблемы носят отчасти эмпирический характер (каждый город отличают особая конфигурация границ и содержание городской жизни), а отчасти – теоретический (должен ли город обязательно представлять собой территориально-политическую общность – *цивитас*, является ли любая крупная городская агломерация городом). Вопрос скорее должен звучать так: каковы условия сохранения

центральности в экономических системах развитых стран на фоне появления новых организационных форм и технологий, которые предельно увеличивают возможности как для географического рассеивания на региональном, национальном и глобальном уровне, так и для интеграции системы?

Второй важнейший вопрос, связанный с рассмотрением города в качестве объекта изучения «негородских» процессов, касается нарративов, сконструированных вокруг города и его связи с глобальной экономикой и новыми технологиями¹. Объяснения и категории, которые доминируют в актуальных дискуссиях вокруг будущего экономик развитых стран, как правило, строятся на предположении о том, что город исчерпал свои возможности для развития ведущих секторов экономики. Подобные взгляды необходимо подвергнуть критическому анализу. Существует по крайней мере два комплекса вопросов, которые необходимо решить, чтобы понять роль городов в глобальной информационной экономике (если таковая роль вообще имеется), а следовательно и способность городских исследований производить новое знание об экономических процессах. Первый комплекс проблем связан с определением того, до какой степени такие новые формы электронных взаимодействий, как например электронные финансовые рынки, оказываются исключены из социальных контекстов. Второй касается возникновения устойчивых форм проявления глобальной экономики и новых технологий, которые либо не признавались в принципе, либо приобретали крайне противоречивый вид. Более подробно я разбираю эти вопросы в других своих материалах, здесь же я лишь вкратце затрону их в двух заключительных частях статьи.

Наконец, на теоретическом уровне город становится стратегическим пространством благодаря определенным свойствам власти. Власть следует рассматривать в конкретном историческом контексте, что позволяет избежать излишней абстрактности этого понятия. Власть представляет собой не просто атрибут или своего рода фактор производства. Она активно производится и воспроизводится. Многие исследования социологии города, сосредоточенные на анализе власти на локальном уровне, в этом смысле внесли весомый вклад в разработку проблемы [см., напр.: 23; 49; 83]. За рамками рассмотрения этого подхода сегодня остается одна из особенностей воспроизводства властных структур, связанная с появлением новых видов экономической власти и перехода отдельных властных функций от государства к рынку, отчасти обусловленного процессами дерегуляции и приватизации. В случае с городами это влечет за собой постановку проблем окружающей среды и архитектурных форм центральности, которые отражают различные типы власти. Города долгое время были местом пространственного воплощения власти. В более общем смысле можно задаться вопросом – имеет ли власть пространственные корреляты или пространственное значение? С экономической точки зрения этот вопрос можно сформулировать конкрет-

¹ Для объяснения вопросов, связанных с нарративами в этой сфере [см., напр.: 19; 66].

нее: в состоянии ли нынешняя экономическая система с ее четко выраженными тенденциями к увеличению концентрации собственности и контроля иметь пространственную экономику, которой недостает мест физической концентрации? Сложно размышлять о дискурсе будущего городов, в котором бы не учитывалось это измерение власти.

Описанные процессы наиболее характерны для крупных городов высокоразвитых стран, которые наилучшим образом подходят для анализа новых разворачивающихся тенденций. Однако все в большей степени они начинают проявлять себя и в развивающихся странах [39; 60; 62; 80; 90]. Их меньшая заметность связана с действием синдрома мегаполиса. Большая численность населения и стихийный рост города создают свои собственные порядки величин [напр.: 1; 39]; и если они не слишком сильно меняют описываемый мной баланс распределения власти, то на значимости и четкости проявления характеристик власти отражаются самым серьезным образом [напр.: 20; 51; 60].

Одним из вариантов анализа проблемы центральности является рассмотрение не столько города как такового, сколько более масштабных процессов. К примеру, можно заметить, что география глобализации предполагает существование как тенденций к рассредоточению, так и централизации, которой лишь в последнее время стало уделяться внимание в исследованиях глобализации на макроуровне. Большинство таких исследований фокусировалось преимущественно на рассмотрении моделей рассредоточения. Масштабные тенденции к пространственному рассредоточению экономической деятельности на городском, национальном и глобальном уровне, которые мы привычно связываем с глобализацией, потребовали новых форм территориальной централизации системы высшего управления и контроля [70, части 1 и 2]. К примеру, тот факт, что у фирм по всему миру сегодня имеется в общей сложности более полумиллиона филиалов, расположенных в «нематеринских» странах, четко дает понять, что огромное количество рассредоточенных предприятий и сервисных компаний, являющихся частью системы интегрированного производства фирмы, требует централизованной системы управления и обслуживания. Одним словом, возникшее благодаря глобализации и развитию телекоммуникаций пространственное рассредоточение экономической деятельности способствует наращиванию функций центрального регулирования в том случае, если это рассредоточение происходит на фоне непрерывной концентрации управления, собственности и распределения прибыли, характеризующей современное состояние экономической системы.

Именно на этом этапе город оказывается в фокусе внимания. Города вновь обретают свою стратегическую значимость как наиболее благоприятное место для производства функций централизованного управления. Национальные и глобальные рынки, так же как и глобально интегрированные организации, нуждаются в наличии центральных мест, в которых глобализация находит свое воплощение. Сектор финансовых и современных корпоративных услуг представляет собой отрасли, производящие особый продукт, необходимый для существования глобальной экономической системы и ее управления. Крупные города являются предпочтитель-

ным местом для производства подобного рода услуг, особенно в инновационном, наукоемком и интернационализированном секторах экономики¹. Показательно, что ведущие компании информационной отрасли нуждаются в масштабной производственной инфраструктуре, включающей в себя стратегически важные узловые объекты с высокой концентрацией материально-технических средств; в этом смысле, необходимо учитывать различие между способностью к глобальной коммуникации/передаче данных и материальными условиями, которые ее обеспечивают. Наконец, даже в наиболее передовых информационных отраслях процесс производства оказывается хотя бы отчасти «привязан» к месту в силу зависимости от определенного сочетания ресурсов несмотря на гипермобильный характер самой выпускаемой продукции; при этом общей особенностью анализа этих информационных отраслей стало их рассмотрение именно через призму гипермобильности выпускаемой продукции, нежели реального рабочего процесса, в который наряду со специалистами высшего уровня вовлечены офисные работники и обслуживающий персонал.

Рассматривая динамику масштабных процессов с целью поиска их устойчивых локальных форм проявления, можно проследить и понять процесс формирования транснациональных городских систем, по крайней мере на его начальной стадии. Развитие глобальных финансовых рынков и рынков специализированных услуг, необходимость создания транснациональных систем обслуживания, вызванная колоссальным ростом объемов международного инвестирования, снижение роли правительства в регулировании международной экономической деятельности и возрастающее значение других арен взаимодействия, устанавливающих тесные взаимосвязи между городами, – все это указывает на существование транснациональных сетей городов. Они имеют множество разновидностей и типов. Наиболее развитыми среди них являются, пожалуй, деловые сети, обеспечивающие рост глобальной экономики. Но сегодня также можно наблюдать быстрое разрастание социальных, культурных, профессиональных и политических сетей, связывающих между собой определенные города.

По большому счету, сегодня крупнейшие деловые центры мира сохраняют свою значимость благодаря транснациональным сетям. Не существует такого явления, как отдельно взятый глобальный город, и в этом смысле он принципиально отличен от бывших столиц империй².

¹ Например, лишь небольшая часть компаний из списка Fortune 500, представляющего в основном крупные промышленные предприятия, имеет штаб-квартиры в Нью-Йорке, при этом свыше 40% компаний, получающих более половины своих доходов за рубежом, расположены в Нью-Йорке. Более того, даже крупные промышленные компании стремятся иметь в Нью-Йорке штаб-квартиры, за которыми закреплены отдельные специализированные управленческие функции. Так, у General Motors, базирующейся в Детройте, и многих других компаний такого рода управления финансами и связями с общественностью расположены в Манхэттене.

² Данных по этой проблеме до сих пор недостаточно; одни из наиболее надежных источников исследовательских данных на сегодняшний день представлены Тэйлором и его

Сети крупнейших международных деловых центров формируют новые географии центральности. Наиболее мощные из таких «географий» на глобальном уровне связывают между собой крупнейшие международные финансовые и деловые центры, в частности Нью-Йорк, Лондон, Токио, Париж, Франкфурт, Цюрих, Амстердам, Лос-Анджелес, Сидней, Гонконг. Сегодня эта география включает в себя и такие города, как Бангкок, Сеул, Тайбэй, Шанхай, Сан-Паулу, Мехико. Интенсивность взаимодействий между этими городами, в особенности через финансовые рынки, торговлю услугами и инвестиции, резко увеличилась, сохраняя при этом потенциал для дальнейшего роста. В плане концентрации стратегических ресурсов и функций между глобальными городами и другими городами этой же страны существует острое неравенство. Это имеет серьезные последствия для роли городских систем в национальной территориальной интеграции. И хотя последняя никогда не соответствовала своей модели, прошедшее десятилетие было отмечено ускорением процесса фрагментации территории национальных государств. Национальные городские системы оказываются частично ослаблены в связи с тем, что крупнейшие города становятся частью новой набирающей силу транснациональной городской системы.

Мы больше не можем рассматривать центры международного бизнеса и финансов просто через призму корпоративных офисов и корпоративной культуры. Международный характер крупных городов определяется не только наличием телекоммуникационной инфраструктуры и офисов зарубежных компаний: он определяется множеством различных культурных контекстов, в которых существуют работники этих и других сфер занятости. В области изучения этих проблем можно наблюдать рост числа необычайно глубоких исследований [20; 36; 45; 48; 72; 93]. В некоторой степени сегодняшние крупные города являются пространством постколониализма и обеспечивают условия для формирования постколониального дискурса. Вероятно, это станет неотъемлемой частью их существования в будущем.

Новая транснациональная политическая география. Включение городов в новую систему трансграничных связей свидетельствует о возникновении параллельной политической географии. Крупные города стали стратегическим пространством не только для глобального капитала, но и для транснационального движения трудовых ресурсов, а также для формирования транслокальных сообществ, идентичностей и субъективностей. В этом смысле города являются местом, где реализуются новые виды политической деятельности. Измененная конфигурация центральности в условиях глобализации создает благоприятные экономические и политические обстоятельства для формирования новых притязаний, а следовательно и прав, в частности права на «место». В конечном итоге это могло

коллегами (GaWC [79]), а также Бэкфилдом и Альдерсоном [7]. Но в этой области исследований предстоит сделать еще очень много.

бы стать основанием для появления иных форм «гражданства» [см., напр.: 4; 19; 61]. Постоянное акцентирование внимания на транснациональном характере и гипермобильности капитала способствовали возникновению чувства бессилия среди локальных акторов, ощущению бессмысленности сопротивления глобальным тенденциям. Однако анализ, акцент в котором делается на роли «места», предполагает, что новая глобальная сеть стратегических центров является пространством политики и активного участия в политической деятельности [2; 20; 63; 66].

Это пространство, которое, с одной стороны, организовано вокруг центров и «привязано» к определенным местам, но с другой стороны, – транстерриториально, поскольку связывает объекты, не являющиеся близкими географически, тем не менее оно соединено между собой другими сетями взаимодействия. Существует ли транснациональная политика, заложенная в новую конфигурацию центральности и географию стратегических мест, какой, например, является новая всемирная сеть глобальных городов? Это география, которая преодолевает национальные границы и традиционное деление на Север-Юг, но при этом следует определенным векторам. Она определяется комплексом скорее частных и узко ориентированных, нежели всеохватывающих процессов. И таким образом она предполагает не только масштабные движения капитала, имеющие место в этой глобальной сети, но и трансмиграцию людей, как состоятельных, то есть высококвалифицированных специалистов транснациональных компаний, так и бедных, то есть трудовых мигрантов. Кроме того, это пространство, в котором происходит трансмиграция культурных форм и ретерриториализация «локальных» субкультур.

Если учесть, что крупные города концентрируют не только основную часть глобального капитала, но и растущую долю малообеспеченных слоев населения – иммигрантов, ущемленных в правах женщин, людей, дискриминируемых по цвету кожи, и жителей трущоб в мегаполисах развивающихся стран, то в этом случае они превращаются в арену многочисленных конфликтов и противоречий [39; 53; 55; 66; 86; 84]. Кроме того, города становятся одним из пространств, в котором оказываются видны противоречия глобализации капитала. Но даже принимая во внимание результаты исследований Кацельсона [44], анализ города не может сводиться исключительно к изучению этого процесса.

Один из возможных способов понять политическое значение транснационального пространства, закрепленного сетью крупных городов, – обратиться к проблеме формирования претензий на это пространство. Город действительно стал местом возникновения новых требований: как глобального капитала, использующего город в качестве «организационного продукта», так и малообеспеченных слоев городского населения, которые часто интернационализированы столь же сильно, как и капитал. «Денационализация» городского пространства и формирование новых требо-

ваний со стороны транснациональных акторов заставляют задаться вопросом: кому принадлежит этот город?

Зарубежные фирмы и предприниматели получают все больше возможностей выбрать для ведения бизнеса любую страну или город – эти возможности возникают благодаря новым правовым режимам, новой экономической культуре и прогрессивной дерегуляции национальных экономик [68, главы 1 и 2; 69, глава 5]. Они являются «новыми пользователями городских ресурсов»¹. Эти новые пользователи предъявили весьма существенные претензии на город, ощутимо преобразив его в соответствии со своими представлениями. Их требования на сохранение контроля над городским пространством редко оспариваются, хотя издержки и выгоды этой деятельности почти не подвергались анализу. Они оставили глубокий след на городском ландшафте. По мнению Мартинотти [52], они способствовали изменению социальной морфологии города; город, контролируемый «новыми пользователями», – это крайне нестабильный город, чье существование и успехи целиком зависят от экономики высокой производительности, передовых технологий и интенсивного товарообмена [52]. Это город, пространство которого состоит из аэропортов, деловых центров высшего класса, престижных отелей и ресторанов, одним словом, – своеобразной городской зоны гламура.

На противоположном от «новых пользователей» полюсе находятся те, кто для выдвижения своих собственных притязаний на город использует различные формы политического насилия. Правда, в отличие от «новых пользователей», их требования не имеют под собой законных оснований. Эти требования формулируются акторами, борющимися за официальное признание и предъявляющими свои права на город [8; 24; 31; 33; 66; 89; 92]. Эти требования, естественно, имеют долгую историю; в каждую новую эпоху они формулируются особым образом. Рост числа «правонарушений» (битье машин и витрин; ограбление и поджог магазинов) в ходе массовых выступлений, происходящих в городах развивающихся стран последние десять лет, может служить свидетельством обострения социально-экономического неравенства, свидетельством наличия той осязаемой и ощущаемой дистанции, которая отделяет зону городского гламура от зоны конфликтов. Внешняя очевидность такого различия, вероятно, будет способствовать тому, что этот конфликт в дальнейшем приобретет более жесткую форму: безразличие и алчность элит против отчаяния и гнева бедных.

Формирование новых требований имеет два аспекта, которые касаются транснациональной политики и во все большей степени проявляют

¹ Такой перевод используемого Сассен понятия “new city users” представляется нам наиболее адекватным, поскольку авторской логикой подчеркивается, что само возникновение новых политических акторов во многом обусловливается именно появлением возможностей использования, «потребления» новых городских благ и ресурсов. Кроме того, стоит заметить, что в своих работах Сассен нередко использует понятие “user” в качестве синонимичного понятию «политического актора», [см., напр.: 69, р. 387]. – *М.И.*

себя в крупных городах. Первый аспект состоит в резких и, вероятно, усиливающихся различиях в возможностях выдвижения требований разными социальными группами, в частности представителями международного бизнеса, с одной стороны, и малообеспеченными слоями населения (иммигрантами, одинокими женщинами, цветным населением), с другой. Второй аспект связан с усилением транснационального характера обоих видов требований и самих «предъявителей». В результате, это ведет к возникновению такого типа политической борьбы, которая привязана к конкретным местам, но одновременно транснациональна по своей природе. Задача, возникающая перед социологией города, в данном случае состоит в том, как отразить эти новые особенности трансграничной динамики, не потеряв при этом город в качестве объекта изучения.

Города и политическая субъективность. Эта статья началась с рассмотрения Чикагской школы социологии города и оценки ее вклада в решение наиболее острых проблем, возникающих перед урбанистикой в современных условиях. В заключительной части материала мы обратимся к работе Макса Вебера «Город» с тем, чтобы рассмотреть процесс производства политической субъективности, обозначенный в предыдущей части.

В попытке сформулировать идеально-типические черты, присущие городу, Вебер выявил его особый тип, который в большей степени был представлен позднесредневековыми городами, нежели индустриальными городами современной ему эпохи. Вебер описал такой город, особенности развития которого вовлекали его население и элиты в созидательную деятельность и побуждали к инновативному типу адаптации. Кроме того, он установил, что изменения, происходящие в городской среде, свидетельствовали о существовании более масштабных процессов, выходящих за пределы города, способных привести к глубоким трансформациям. В этом смысле город давал возможность увидеть далеко идущие изменения, которые при определенных обстоятельствах могли в итоге охватить все общество целиком.

В работе «Город» есть два момента, которые особенно важны для нас. Вебер помогает понять, при каких условиях города могут оказывать положительное и созидательное воздействие на жизнь людей [22; 69, глава 6]. Для Вебера города представляют комплекс социальных структур, которые способствуют развитию индивидуальности и инноваций и следовательно становятся инструментом исторических изменений. В работе Вебера чувствуется глубокое понимание историчности этих условий. Современная городская жизнь не соответствовала положительной созидательной мощи городов; Вебер полагал, что современные города находятся во власти крупных предприятий и бюрократии. Мое собственное видение фордистского города во многом перекликается со взглядами Вебера в понимании того, что в условиях фордизма стратегическое значение приобретает национальное государство, в то время как города теряют свою важность. Именно фордистское предприятие и шахты становятся основным местом вовлечения в политиче-

скую деятельность малообеспеченного населения и тех, кто либо лишен власти совсем, либо почти ее не имеет.

Столкновения по политическим, экономическим, правовым и культурным вопросам, происходящие в городском пространстве, могут выступить катализатором новых форм трансурбанистического развития в различных сферах – сфере развития рынков, партиципаторного управления, борьбы за права членов городских сообществ вне зависимости от их происхождения, юридического статуса и культурной принадлежности. Согласно Веберу, такая ситуация была свойственна именно городам позднего средневековья, когда городские жители, купцы, ремесленники и представители элиты были вынуждены реагировать на новые изменения. Эти трансформации могли привести к эпохальным историческим изменениям за пределами самого города: Вебер показывает, как в результате подобных столкновений во многих из этих городов стали складываться элементы того, что можно было бы назвать системой управления и гражданством.

Первый методологический момент, на котором мне бы хотелось заострить внимание в концепции Вебера – это исторический характер условий, способствующих превращению города в стратегическое пространство для развертывания важных процессов в различных институциональных сферах. Сегодня особым типом города, превратившимся в стратегическое место для инноваций и трансформаций в различных институциональных сферах, стал глобальный город. В нем находят проявление несколько ключевых составляющих экономической глобализации и процесса развития цифровых технологий, которые изменяют структуру и нарушают устойчивость сложившихся институциональных порядков, а также правовых/регулятивных/нормативных установок для управления условиями городского развития. Степень выраженности этих новых тенденций в крупных городах настолько высока, что требует креативных решений и инновационных идей. Весьма вероятно, что в данных условиях возникает пороговый эффект.

Историческая обусловленность такого процесса состоит в том, что в условиях кейнсианской политики, и в частности в условиях действия фордистского соглашения и доминирования массового серийного производства в качестве основной движущей силы экономики, города утратили стратегические функции и не являлись местом инновационной деятельности. Стратегически значимым местом стали крупное предприятие, находящееся в самом центре системы массового производства и потребления, а также национальное правительство, разрабатывавшее нормативно-правовую базу и утверждавшее фордистское соглашение. Предприятие и правительство представляли собой пространство, в котором сосредоточивались ключевые тенденции развития, определявшие важнейшие институциональные нововведения эпохи. Вместе с глобализацией и развитием цифровых технологий (а заодно со всеми сопутствующими изменениями) в такое стратегическое пространство превратился город. При этом если стратегически наиболее важные трансформации происходят в глобальных городах, то многие процессы такого рода (помимо процессов, имеющих диффузный

характер) протекают и в тех городах, которые занимают место на более низком уровне городских иерархий¹.

Второй методологический момент в работе Макса Вебера, на котором я бы хотела акцентировать внимание, – выделение автором особого типа укорененности трансформаций, которые он описывает и рассматривает в качестве идеально-типических черт. Эта укорененность не предполагает глубоких структур, поскольку такие структуры сами перестраиваются и меняются, создавая возможности для возникновения новых фундаментальных установлений. Скорее это укорененность в весьма специфических условиях, возможностях, ограничениях, потребностях, взаимодействиях, дискуссиях и интересах. Важнейшим аспектом в данном случае является сложность и социальная плотность тех условий и процессов, которые, согласно Веберу, способствуют изменениям и инновациям. Эта сложность и плотность также порождает двусмысленность понимания изменений и инноваций. Не всегда ясно, носят ли они положительный характер: когда мы можем говорить о положительных сдвигах в случае возникновения или усиления того или иного элемента (пусть даже самого малозначительного) в системе представительной демократии в городе, и в каких временных рамках их положительный эффект становится очевидным. Рассматривая города позднего средневековья в качестве образца, Вебер обнаружил противоречивые и мультивалентные инновационные изменения. Он детально анализирует данный тип инноваций, пытаясь понять, к чему они могут привести и каким процессам способны дать ход.

Рассмотрение этого особого типа укорененности изменений и инноваций позволяет сделать вывод о том, что современные условия развития глобальных городов создают не только новые структуры власти, но и возможности для деятельности и риторики новых политических акторов, которые ранее могли быть скрыты или незаметны. Суть вывода сводится к тому, что сосредоточение важнейших компонентов глобализации в крупных городах означает, во-первых, включение малообеспеченных слоев населения в новую систему глобальной корпоративной власти, во-вторых, приобретение различными и постоянно растущими группами этого населения четких форм «присутствия». Это заставляет проводить различие между бессилием и незаметностью/слабостью. Бедные слои в глобальных городах могут добиться «присутствия» как через взаимодействие с властью, так и через противопоставление ей. Сложившаяся таким образом ситуация отличается от той, которая, в частности, наблюдалась в США в 1950–1970-х гг. Тогда города в результате бегства белых и выезда офисов крупнейших компаний по сути оказались оставленными, а бедное население брошенным. Сегодня локализация глобального создает объективные условия для взаимодействия, примером чего являются начавшиеся в 1980-е гг. выступления против

¹ Более того, я полагаю, что отдельные государственные институты также являются стратегическим пространством несмотря на общую тенденцию сокращения властных функций государства вследствие процессов дерегуляции и приватизации.

джентрификации, которая охватывает районы проживания национальных меньшинств и бедных слоев населения и ведет к росту числа бездомных, а также борьба за права бездомных или демонстрации против жестокого обращения полиции с представителями меньшинств. Эти выступления отличаются от выступлений, проходивших в районах гетто в 1960-е гг., которые были короткими сильными вспышками активности на ограниченной территории гетто и приносили большую часть ущерба самим районам проживания бедных слоев населения. В таких выступлениях отсутствовало всякое взаимодействие с властью.

Важен акцент, который Вебер делает на конкретном типе инноваций и изменений: создании новых правил и норм вследствие потери устойчивости теми глубинными структурами, на основании которых эти нормы действовали¹.

Здесь же обнаруживаются и возможности для появления новых политических акторов, а также изменения роли и положения старых норм, политических акторов и форм власти. Это крайне сложная и динамично развивающаяся конфигурация, в которой старые формы власти, вступая в конфликт, могут восстановить свои прежние позиции².

В целом существуют два основных условия, которые сегодня определяют статус городов в качестве пространства стратегического значения, и оба эти условия отражают основные трансформационные процессы, которые нарушают устойчивость прежних систем организации территории и политики, как было показано в первой части статьи. Первым из них является новое ранжирование территорий по принципу значимости, отражающее особенности новой политико-экономической системы. Вторым – частичное размывание или по крайней мере ослабление национального государства как вместилища социальных процессов, которое происходит вследствие многообразия тенденций, определяемых глобализацией и развитием цифровых технологий³. Утверждение этих условий имеет для городов множество

¹ Основное внимание Вебер уделяет процессу постепенного возникновения и формирования социальной структуры города, находившей отражение в разных областях при различных условиях, а также процессу постепенного утверждения этой структуры в качестве особого образования. Он прослеживает ее изменение от периода древних царств до форм античной демократии через аристократический город и от епископальных структур и крепостей до европейских городов с доминирующим положением гильдий через город средневековой знати. На каждом этапе он пытается раскрыть сложный характер процессов, сопровождавших возникновение городского сообщества, которое, согласно Веберу, имеет схожие черты с тем, что сегодня мы могли бы обозначить в качестве системы управления и гражданства.

² См. его объяснение того, как эти типы изменений и инноваций выводятся из его ключевых понятий или аналитических категорий: социальных действий, социальных отношений и социальных институтов – имеющих определяющее значение при построении теории городского сообщества.

³ Значимость влияния глобализации на суверенитет определяется возникновением новых практических и теоретических возможностей для других акторов и субъектов. В конечном итоге это означает, что государство больше не является единственным источником суверенитета и соответствующих принципов нормативности, и кроме того оно больше не является особым субъектом международного права. Другие акторы, от неправительственных организаций и

последствий: они становятся стратегическим пространством масштабных экономических процессов и местом появления новых типов политических акторов. В этом смысле можно было бы утверждать, что если гражданство «укоренено» в существующей среде взаимодействий и, в свою очередь, характеризуется такой укорененностью [69, глава 6], то эти новые условия вполне могут свидетельствовать о возможности возникновения новых практик гражданства и типов идентичности¹.

То, что сегодня получает развитие в глобальном городе в смысле политических практик, серьезно отличается от того, что существовало в средневековом городе, описываемом Вебером. В случае средневекового города мы имеем дело с комплексом практик, которые давали возможность бюргерам устанавливать порядок владения и принципы защиты собственности, используя различные варианты иммунитета от разного рода тиранов². В свою очередь, сегодняшние политические практики, как мне представляется, связаны с производством форм «присутствия» теми, кто не обладает властью, но включен в политическую деятельность, направленную на предъявление права на город, нежели на отстаивание принципов защиты собственности³. Эти две ситуации объединяет то, что в обоих случаях описанные практики способствуют утверждению новых форм политической субъективности, то есть гражданской идентичности, а город выступает важнейшим местом для такого вида политической деятельности. В определенной степени данные процессы способствуют формированию и самого города. Оспариваемый город в гораздо большей степени, чем мирно

меньшинств до наднациональных организаций, все в большей степени обретают статус полноправных субъектов международного права и акторов международных отношений.

¹ Это может быть распространено на транснациональный уровень. Возрастающее влияние разнообразных негосударственных акторов на международной арене свидетельствует о расширении мирового гражданского общества. Это очевидно оспариваемое пространство, в особенности при рассмотрении логики функционирования фондовых рынков – достижения прибыли любой ценой – по отношению к системе защиты прав человека. Но в то же время это то пространство, в котором другие субъекты приобретают черты индивидуальных и коллективных акторов выходя из состояния незаметного существования в рамках национального государства, представляемого исключительно носителем верховной власти.

² Это поднимает целый ряд вопросов. Например, в России, где город-крепость не превратился в центр предоставления иммунитетов и привилегий, смысл понятия «гражданин» серьезно отличается от понятий гражданского общества и города, и потому имеет отношение скорее к государству, нежели к городу.

³ Я использую термин «присутствие», чтобы обозначить определенный тип состояния, возникший в условиях общего состояния бессилия. Следует проводить различие между бессилием и возможностью быть актором, пусть даже при отсутствии властного влияния. В условиях такого стратегического пространства, каким является глобальный город, описанные в этой работе типы малообеспеченных слоев населения не являются просто маргинальными; они обретают формы «присутствия» в рамках более широкого политического процесса, который преодолевает границы государства. Это «присутствие» свидетельствует о возможности новой политики. Во что именно превратится эта политика, будет зависеть от конкретных проектов и действий различных сообществ. Но поскольку деятельность этих сообществ не связана с принадлежностью государству, это вполне можно считать свидетельством возможного возникновения транснациональной политики, сосредоточенной в конкретных локальностях.

и гармонично существующий пригород, является местом, где происходит становление гражданственности. После длительного периода доминирования национального государства и рассмотрения ключевых экономических процессов сквозь призму национального уровня сегодня город вновь оказывается мерой оценки важнейших процессов в политике и экономике.

Перевод М.С. Ильченко

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. A world of giant cities / eds. Dogan M. & Kasarda J.D. Newbury Park, CA : Sage, 1988. 400 p.
2. *Abu-Lughod J.L.* From urban village to «East Village»: The battle for New York's lower east side. Cambridge : Blackwell, 1994. 404 p.
3. *Abu-Lughod J.L.* New York, Chicago, Los Angeles: America's global cities. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1999. 592 p.
4. *Bartlett A.* The city and the self: The emergence of new political subjects in London // Deciphering the global: Its spaces, scales and subjects / ed. Sassen S. New York ; London : Routledge, 2007. P. 221-242.
5. *Beck U.* Power in the global age. Cambridge : Polity Press, 2005. 352 p.
6. *Beck U.* The risk society and beyond: Critical issues for social theory. Thousand Oaks, CA : Sage, 2000. 240 p.
7. *Beckfield J., Alderson A.S.* Power and position in the world city system // American Journal of Sociology. 2006. Vol. 109, № 4. P. 811-851.
8. *Body-Gendrot S.* The social control of cities. London : Blackwell, 1999. 328 p.
9. *Boyd M.* Family and personal networks in international migration: Recent developments and new agendas // International Migration Review. 1989. Vol. 23, № 3. P. 638-670.
10. *Brenner N.* Global cities, global states: Global city formation and state territorial restructuring in contemporary Europe // Review of International Political Economy. 1998. Vol. 5, № 1. P. 1-37.
11. *Brenner N.* New state spaces: Urban governance and the rescaling of statehood. Oxford : Oxford University Press, 2004. 372 p.
12. *Castells M.* La Question Urbaine. Paris : Maspero, 1972. 455 p.
13. *Castells M.* The informational city. London : Blackwell, 1989. 416 p.
14. *Castells M.* The rise of the network society. London : Blackwell, 1996. 481 p.
15. *Castles S., Miller M.J.* The age of migration: International population movements in the modern world. 3rd ed. New York : Guilford Press, 2003. 370 p.
16. *Chase-Dunn C.* Urbanization in the world system: New directions for research // Cities in transformation / ed. Smith M.P. Beverly Hills, CA : Sage, 1984. P. 111-120.
17. Chicago and Los Angeles: Paradigms, Schools, Archetypes, and the Urban process // Urban Geography. 2008. Vol. 29, № 2: Special Issue. P. 97-192.
18. *Chinchilla N., Hamilton N.* Seeking community in the global city: Guatemalans and Salvadorians in Los Angeles. Philadelphia : Temple University Press, 2001. 272 p.
19. Cities and citizenship / ed. J. Holston // Public Culture. 1996. Vol. 8, № 2: Special issue.
20. Companion to the city. Spaces of culture / eds. Bridges G. & Watson S. London : Sage, 2010. 656 p.
21. *Dawson M.* Globalization, the racial divide, and a new citizenship // Race, identity, and citizenship / eds. Torres R., Miron L. & Inda J.X. Oxford : Blackwell, 1999. P. 373-386.
22. Democracy, citizenship and the global city / ed. E.F. Isin. London ; New York : Routledge, 2000. 336 p.
23. *Domhoff G.W.* Blacks in white establishments: A study of race and class in America. New Haven : Yale University Press, 1991. 208 p.
24. *Drainville A.* Contesting globalization: Space and place in the world economy. London : Routledge, 2004. 232 p.

25. *Duncan O.* Human ecology and population studies // The study of population / eds. Hauser P. & Dudley O. Chicago : The University of Chicago Press, 1959. P. 678-716.
26. *Duneier M.* Sidewalk. New York : Farrar, Strauss and Giroux, 1999. 400 p.
27. Economic strategies for mature industrial economies / eds. Kresl P. & Ni P. Cheltrham, UK : Edward Elgar, 2010. 294 p.
28. *Ernst D.* The new mobility of knowledge: Digital information systems and global flagship networks // Digital formations: IT and new architectures in the global realm / eds. Latham R. & Sassen S. Princeton : Princeton University Press, 2005. P. 89-114.
29. *Espinoza V.* Social networks among the urban poor: Inequality and integration in a Latin American city // Networks in the global village: Life in contemporary communities / ed. B. Wellman. Boulder, CO : Westview Press, 1999. P. 147-184.
30. Ethnography unbound: Power and resistance in the modern metropolis / Burawoy M. [et al.]. Berkeley : University of California Press, 1991. 280 p.
31. *Fainstein S.* The city builders. Oxford, UK : Blackwell, 1993. 310 p.
32. *Farrer G.L.* Producing global economies from below: Chinese immigrant transnational entrepreneurship in Japan // Deciphering the global: Its spaces, scales and subjects / ed. S. Sassen. New York ; London : Routledge, 2007. P. 179-200.
33. Gangs in the global city: Alternatives to traditional criminology / ed. Hagedorn J. Chicago : University of Illinois Press, 2007. 368 p.
34. Gender and US immigration: Contemporary trends / ed. P. Hondagneu-Sotelo. Berkeley : University of California Press, 2003. 402 p.
35. *Giddens A.* The consequences of modernity. Oxford : Polity Press, 1990. 188 p.
36. Global cities: Cinema, architecture, and urbanism in a digital age / eds. Krause L. & Petro P. New Brunswick ; New Jersey ; London : Rutgers University Press, 2003. 224 p.
37. *Gottdiener M.* The social production of urban space. Austin : University of Texas Press, 1985. 340 p.
38. *Graham S., Marvin S.* Telecommunications and the city: Electronic spaces, urban places. London : Routledge, 1996. 456 p.
39. *Gugler J.* World cities beyond the west. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 416 p.
40. *Hall P.* The world cities. New York : McGraw-Hill, 1966. 256 p.
41. *Harvey D.* Social justice and the city. London : John Hopkins University Press or Edward Arnold, 1973. 368 p.
42. *Harvey D.* The urbanization of capital. Oxford, UK : Blackwell, 1985. 259 p.
43. *Harvey R.* The subnational constitution of global markets // Deciphering the global: Its spaces, scales and subjects / ed. Sassen S. New York ; London : Routledge, 2007. P. 199-216.
44. *Katznelson I.* Marxism and the city. Oxford : Clarendon Press, 1992. 336 p.
45. *King A.D.* Urbanism, colonialism, and the world economy. Culture and spatial foundations of the world urban system (The International Library of Sociology). London ; New York : Routledge, 1990. 208 p.
46. *Lash S., Urry J.* Economies of signs and space. London : Sage, 1994. 368 p.
47. *Lefebvre H.* The production of space. Oxford : Blackwell, 1974. 464 p.
48. *Lloyd R.* NeoBohemia. London ; New York : Routledge, 2005. 328 p.
49. *Logan J.R., Molotch H.* Urban fortunes: The political economy of place. Berkeley : University of California Press, 1987. 413 p.
50. *Mahler S.* American dreaming: Immigrant life on the margins. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1995. 256 p.
51. *Marcuse P., Kempen R. van.* Globalizing cities: A new spatial order. Oxford : Blackwell, 2000. 340 p.
52. *Martinotti G.* Metropolis. Bologna : Il Mulino, 1993. 240 p.
53. *Massey D., Denton N.* American apartheid. Cambridge : Harvard University Press, 1993. 312 p.
54. Migration, transnationalization, and race in a changing New York / eds. Cordero-Guzman H.R., Smith R.C. & Grosfoguel R. Philadelphia : Temple University Press, 2001. 304 p.

55. *Nashashibi R.* Ghetto cosmopolitanism: Making theory at the margins // *Deciphering the global: Its spaces, scales, and subjects* / ed. S. Sassen. New York ; London : Routledge, 2007. P. 241-262.
56. *Paddison R.* Studying cities // *Handbook of urban studies* / ed. R. Paddison. London : Sage, 2001. P. 1-11.
57. *Palumbo-Liu D.* Asian/American: Historical crossings of a racial frontier. Stanford : Stanford University Press, 1999. 516 p.
58. *Parnreiter C.* Mexico: The making of a global city // *Global networks/linked cities* / ed. S. Sassen. New York : Routledge, 2002. P. 145-182.
59. *Parsa A., Keivani R.* The Hormuz corridor: Building a cross-border region between Iran and the United Arab Emirates // *Global networks, linked cities* / ed. S. Sassen. New York ; London : Routledge, 2002. P. 183-208.
60. Preparing for the urban future: Global pressures and local forces / Cohen M. [et al.]. Washington D.C. : Woodrow Wilson Center Press (distributed by The Johns Hopkins University Press), 1996. 448 p.
61. Race, identity, and citizenship: A Reader / eds. Torres R., Miron L. & Inda J.X. Oxford : Blackwell, 1999. 468 p.
62. Relocating global cities: From the center to the margins / eds. Amen M.M., Archer K. & Bosman M.M. Boulder, CO : Rowman & Littlefield, 2006. 248 p.
63. Representing the city. Ethnicity, capital and culture in the 21st century / ed. A.D. King. London : Macmillan, 1996. 296 p.
64. *Rodriguez N.P., Feagin J.R.* Urban Specialization in the world system // *Urban Affairs Quarterly*. 1986. Vol. 22, № 2. P. 187-220.
65. *Sampson R.J., Raudenbush S.* Disorder in urban neighborhoods: Does it lead to crime? [Электронный ресурс] Washington, D.C. : U.S. Department of Justice, National Institute of Justice, 2001. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/186049.pdf> (дата обращения: 01.11.2013).
66. *Sandercock L.* Cosmopolis II: Mongrel cities in the 21st century. New York ; London : Continuum, 2003. 288 p.
67. *Sassen S.* A sociology of globalization. New York : W.W. Norton, 2007. 250 p.
68. *Sassen S.* Losing control? Sovereignty in an age of globalization. The 1995 Columbia University Leonard Hastings Schoff Memorial Lectures. New York : Columbia University Press, 1996. 128 p. Translated by Iyotani Toshio as Gurobarizeshon no jidai: kokkashuken no yukue, Heibonsha, 1999.
69. *Sassen S.* Territory, authority, rights. From medieval to global assemblages. Princeton : Princeton University Press, 2008. 512 p.
70. *Sassen S.* The global city: New York London and Tokyo. Princeton: Princeton University, 2001. 472 p. Translated by Iyotani Toshio et al. as Gurobaru Shiti: Nyuyoku, Rondon, Tokyo kara sekai wo yomu, Chikuma Shobo, 2008.
71. *Sassen S.* The mobility of labor and capital: A study in international investment and labor flow. New York : Cambridge University Press, 1988. 240 p. Translated by Morita Kiriro et al. as Rodo to shihon no kokusaiido: sekaitoshi to iminrodosha, Iwanami Shoten, 1992.
72. *Sennett R.* The craftsman. London : Penguin, 2008. 336 p.
73. *Short J.R., Kim Y.-H.* Globalization and the city. Essex : Longman, 1999. 184 p.
74. *Skeldon R.* Hong Kong: Colonial city to global city to provincial city? // *Cities*. 1997. Vol. 14, № 5. P. 265-271.
75. Social Movements in a Global World / ed. Lustiger-Thaler H. // *Current Sociology*. 2004. Vol. 52, № 4. P. 657-674.
76. *Suttles G. D.* The social order of the slum: Ethnicity and territory in the inner city (Studies of urban society). Chicago : University of Chicago Press, 1968. 266 p.
77. *Taylor P.J.* Hierarchical tendencies amongst world cities: A global research proposal // *Cities*. 1997. Vol. 14, № 6. P. 323-332.
78. *Taylor P.J.* World cities and territorial states: The rise and fall of their mutuality // *World cities in a world-system* / eds. Taylor P.J. & Knox P.L. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 48-62.

79. *Taylor P.J.* World city network: A global urban analysis. London : Routledge, 2004. 256 p.
80. Territorio Globalizacao e Fragmentacao / eds. Santos M., De Souza M.A. & Silveira M.L. Sao Paulo : Editorial Hucitec, 1994. 332 p.
81. The city / eds. Park R.E., Burgess, E.W. & McKenzie R.D. Chicago : University of Chicago Press, 1967. 239 p.
82. The Handbook of service industries / eds. Bryson J.R. & Daniels P.W. Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2005. 450 p.
83. The new political culture / eds. Clark T. & Hoffman-Martinot V. Oxford : Westview Press, 1998. 312 p.
84. The tourist city / eds. Fainstein S., Judd D. New Haven, CT : Yale University Press, 1999. 340 p.
85. *Thrift N., Amin A.* Cities: Reimagining the urban. Cambridge : Polity Press, 2002. 192 p.
86. Unsettling cities / eds. Allen J., Massey D. & Pryke M. New York : Routledge, 1999. 386 p.
87. Urbanization in the world economy / ed. M. Timberlake. Orlando : Academic, 1985. 408 p.
88. *Valle V.M., Torres R.D.* Latino metropolis. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 2000. 288 p.
89. *Wacquant L.* Inside the zone // Theory, culture and society. 1997. Vol. 15, № 2. P. 1-36.
90. World cities in a world-system / eds. Knox P. & Taylor P.J. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1995. 348 p.
91. World city networks and global commodity chains // Global Networks. 2010. Vol. 10, № 1: Special issue.
92. *Wright T.* Out of place: homeless mobilizations, subcities, and contested landscapes. Albany : State University of New York Press, 1997. 430 p.
93. *Zukin S.* Landscapes of power. Berkeley : California University Press, 1991. 338 p.

Материал представлен в редколлегию 09.12.2013 г.

Saskia Sassen Robert S. Lynd Professor of Sociology Department of Sociology and Co-Chair, Committee on Global Thought Columbia University, Knox Hall 713 606 W 122nd St New York. NY 10027. E-mail: sjs2@columbia.edu

THE CITY: ITS RETURN AS A LENS FOR SOCIAL THEORY

Abstract: The article examines in what ways the sociological study of cities can produce scholarship and analytic tools that help us understand the broader social transformations under way today. Urban sociology had this capacity early in the 20th century, when industrialization generated massive changes in cities. The thesis is that today globalization is similarly generating major changes that become visible in cities, most notably global cities. One critical issue here is whether these larger transformations evince sufficiently complex and multivalent urban instances as to allow us to construct such instances as objects of study that takes us beyond the urban moment of a process or condition. The urban moment of a major process can help the empirical study of that process in ways that other phases of such a process might not. At the same time, this urbanization of major processes repositions the city as an object of study. And this is the second question organizing this article: what is it we are actually naming today when we use the construct city?

Keywords: urban sociology, global city, transnational processes, globalization, transnational political geography, political subjectivity, new political actors.

***The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below***

BIBLIOGRAFIČESKIJ SPISOK

1. A world of giant cities / eds. Dogan M. & Kasarda J.D. Newbury Park, CA : Sage, 1988. 400 p.
2. *Abu-Lughod J.L.* From urban village to «East Village»: The battle for New York's lower east side. Cambridge : Blackwell, 1994. 404 p.
3. *Abu-Lughod J.L.* New York, Chicago, Los Angeles: America's global cities. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1999. 592 p.
4. *Bartlett A.* The city and the self: The emergence of new political subjects in London // Deciphering the global: Its spaces, scales and subjects / ed. Sassen S. New York ; London : Routledge, 2007. P. 221-242.
5. *Beck U.* Power in the global age. Cambridge : Polity Press, 2005. 352 p.
6. *Beck U.* The risk society and beyond: Critical issues for social theory. Thousand Oaks, CA : Sage, 2000. 240 p.
7. *Beckfield J., Alderson A.S.* Power and position in the world city system // American Journal of Sociology. 2006. Vol. 109, № 4. P. 811-851.
8. *Body-Gendrot S.* The social control of cities. London : Blackwell, 1999. 328 p.
9. *Boyd M.* Family and personal networks in international migration: Recent developments and new agendas // International Migration Review. 1989. Vol. 23, № 3. P. 638-670.
10. *Brenner N.* Global cities, global states: Global city formation and state territorial restructuring in contemporary Europe // Review of International Political Economy. 1998. Vol. 5, № 1. P. 1-37.
11. *Brenner N.* New state spaces: Urban governance and the rescaling of statehood. Oxford : Oxford University Press, 2004. 372 p.
12. *Castells M.* La Question Urbaine. Paris : Maspero, 1972. 455 p.
13. *Castells M.* The informational city. London : Blackwell, 1989. 416 p.
14. *Castells M.* The rise of the network society. London : Blackwell, 1996. 481 p.
15. *Castles S., Miller M.J.* The age of migration: International population movements in the modern world. 3rd ed. New York : Guilford Press, 2003. 370 p.
16. *Chase-Dunn C.* Urbanization in the world system: New directions for research // Cities in transformation / ed. Smith M.P. Beverly Hills, CA : Sage, 1984. P. 111-120.
17. Chicago and Los Angeles: Paradigms, Schools, Archetypes, and the Urban process // Urban Geography. 2008. Vol. 29, № 2: Special Issue. P. 97-192.
18. *Chinchilla N., Hamilton N.* Seeking community in the global city: Guatemalans and Salvadorians in Los Angeles. Philadelphia : Temple University Press, 2001. 272 p.
19. Cities and citizenship / ed. J. Holston // Public Culture. 1996. Vol. 8, № 2: Special issue.
20. Companion to the city. Spaces of culture / eds. Bridges G. & Watson S. London : Sage, 2010. 656 p.
21. *Dawson M.* Globalization, the racial divide, and a new citizenship // Race, identity, and citizenship / eds. Torres R., Miron L. & Inda J.X. Oxford : Blackwell, 1999. P. 373-386.
22. Democracy, citizenship and the global city / ed. E.F. Isin. London ; New York : Routledge, 2000. 336 p.
23. *Domhoff G.W.* Blacks in white establishments: A study of race and class in America. New Haven : Yale University Press, 1991. 208 p.
24. *Drainville A.* Contesting globalization: Space and place in the world economy. London : Routledge, 2004. 232 p.
25. *Duncan O.* Human ecology and population studies // The study of population / eds. Hauser P. & Dudley O. Chicago : The University of Chicago Press, 1959. P. 678-716.
26. *Duneier M.* Sidewalk. New York : Farrar, Strauss and Giroux, 1999. 400 p.
27. Economic strategies for mature industrial economies / eds. Kresl P. & Ni P. Cheltrham, UK : Edward Elgar, 2010. 294 p.

28. *Ernst D.* The new mobility of knowledge: Digital information systems and global flagship networks // *Digital formations: IT and new architectures in the global realm* / eds. Latham R. & Sassen S. Princeton : Princeton University Press, 2005. P. 89-114.
29. *Espinoza V.* Social networks among the urban poor: Inequality and integration in a Latin American city // *Networks in the global village: Life in contemporary communities* / ed. B. Wellman. Boulder, CO : Westview Press, 1999. P. 147-184.
30. *Ethnography unbound: Power and resistance in the modern metropolis* / Burawoy M. [et al.]. Berkeley : University of California Press, 1991. 280 p.
31. *Fainstein S.* The city builders. Oxford, UK : Blackwell, 1993. 310 p.
32. *Farrer G.L.* Producing global economies from below: Chinese immigrant transnational entrepreneurship in Japan // *Deciphering the global: Its spaces, scales and subjects* / ed. S. Sassen. New York ; London : Routledge, 2007. P. 179-200.
33. *Gangs in the global city: Alternatives to traditional criminology* / ed. Hagedorn J. Chicago : University of Illinois Press, 2007. 368 p.
34. *Gender and US immigration: Contemporary trends* / ed. P. Hondagneu-Sotelo. Berkeley : University of California Press, 2003. 402 p.
35. *Giddens A.* The consequences of modernity. Oxford : Polity Press, 1990. 188 p.
36. *Global cities: Cinema, architecture, and urbanism in a digital age* / eds. Krause L. & Petro P. New Brunswick ; New Jersey ; London : Rutgers University Press, 2003. 224 p.
37. *Gottdiener M.* The social production of urban space. Austin : University of Texas Press, 1985. 340 p.
38. *Graham S., Marvin S.* Telecommunications and the city: Electronic spaces, urban places. London : Routledge, 1996. 456 p.
39. *Gugler J.* World cities beyond the west. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 416 p.
40. *Hall P.* The world cities. New York : McGraw-Hill, 1966. 256 p.
41. *Harvey D.* Social justice and the city. London : John Hopkins University Press or Edward Arnold, 1973. 368 p.
42. *Harvey D.* The urbanization of capital. Oxford, UK : Blackwell, 1985. 259 p.
43. *Harvey R.* The subnational constitution of global markets // *Deciphering the global: Its spaces, scales and subjects* / ed. Sassen S. New York ; London : Routledge, 2007. P. 199-216.
44. *Katznelson I.* Marxism and the city. Oxford : Clarendon Press, 1992. 336 p.
45. *King A.D.* Urbanism, colonialism, and the world economy. Culture and spatial foundations of the world urban system (The International Library of Sociology). London ; New York : Routledge, 1990. 208 p.
46. *Lash S., Urry J.* Economies of signs and space. London : Sage, 1994. 368 p.
47. *Lefebvre H.* The production of space. Oxford : Blackwell, 1974. 464 p.
48. *Lloyd R.* NeoBohemia. London ; New York : Routledge, 2005. 328 p.
49. *Logan J.R., Molotch H.* Urban fortunes: The political economy of place. Berkeley : University of California Press, 1987. 413 p.
50. *Mahler S.* American dreaming: Immigrant life on the margins. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1995. 256 p.
51. Marcuse P., Kempen R. van. *Globalizing cities: A new spatial order.* Oxford : Blackwell, 2000. 340 p.
52. *Martinotti G.* Metropolis. Bologna : Il Mulino, 1993. 240 p.
53. *Massey D., Denton N.* American apartheid. Cambridge : Harvard University Press, 1993. 312 p.
54. *Migration, transnationalization, and race in a changing New York* / eds. Cordero-Guzman H.R., Smith R.C. & Grosfoguel R. Philadelphia : Temple University Press, 2001. 304 p.
55. *Nashashibi R.* Ghetto cosmopolitanism: Making theory at the margins // *Deciphering the global: Its spaces, scales, and subjects* / ed. S. Sassen. New York ; London : Routledge, 2007. P. 241-262.

56. *Paddison R.* Studying cities // Handbook of urban studies / ed. R. Paddison. London : Sage, 2001. P. 1-11.
57. *Palumbo-Liu D.* Asian/American: Historical crossings of a racial frontier. Stanford : Stanford University Press, 1999. 516 p.
58. *Parnreiter C.* Mexico: The making of a global city // Global networks/linked cities / ed. S. Sassen. New York : Routledge, 2002. P. 145-182.
59. *Parsa A., Keivani R.* The Hormuz corridor: Building a cross-border region between Iran and the United Arab Emirates // Global networks, linked cities / ed. S. Sassen. New York ; London : Routledge, 2002. P. 183-208.
60. Preparing for the urban future: Global pressures and local forces / Cohen M. [et al.]. Washington D.C. : Woodrow Wilson Center Press (distributed by The Johns Hopkins University Press), 1996. 448 p.
61. Race, identity, and citizenship: A Reader / eds. Torres R., Miron L. & Inda J.X. Oxford : Blackwell, 1999. 468 p.
62. Relocating global cities: From the center to the margins / eds. Amen M.M., Archer K. & Bosman M.M. Boulder, CO : Rowman & Littlefield, 2006. 248 p.
63. Representing the city. Ethnicity, capital and culture in the 21st century / ed. A.D. King. London : Macmillan, 1996. 296 p.
64. *Rodriguez N.P., Feagin J.R.* Urban Specialization in the world system // Urban Affairs Quarterly. 1986. Vol. 22, № 2. P. 187-220.
65. *Sampson R.J., Raudenbush S.* Disorder in urban neighborhoods: Does it lead to crime? [Elektronnyj resurs] Washington, D.C. : U.S. Department of Justice, National Institute of Justice, 2001. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/186049.pdf> (data obrashhenija: 01.11.2013).
66. *Sandercock L.* Cosmopolis II: Mongrel cities in the 21st century. New York ; London : Continuum, 2003. 288 p.
67. *Sassen S.* A sociology of globalization. New York : W.W. Norton, 2007. 250 p.
68. *Sassen S.* Losing control? Sovereignty in an age of globalization. The 1995 Columbia University Leonard Hastings Schoff Memorial Lectures. New York : Columbia University Press, 1996. 128 p. Translated by Iyotani Toshio as Gurobarizeshon no jidai: kokkashuken no yukue, Heibonsha, 1999.
69. *Sassen S.* Territory, authority, rights. From medieval to global assemblages. Princeton : Princeton University Press, 2008. 512 p.
70. *Sassen S.* The global city: New York London and Tokyo. Princeton: Princeton University, 2001. 472 p. Translated by Iyotani Toshio et al. as Gurobaru Shiti: Nyuyoku, Rondon, Tokyo kara sekai wo yomu, Chikuma Shobo, 2008.
71. *Sassen S.* The mobility of labor and capital: A study in international investment and labor flow. New York : Cambridge University Press, 1988. 240 p. Translated by Morita Kiriro et al. as Rodo to shihon no kokusaiido: sekaitoshi to iminrodosha, Iwanami Shoten, 1992.
72. *Sennett R.* The craftsman. London : Penguin, 2008. 336 p.
73. *Short J.R., Kim Y.-H.* Globalization and the city. Essex : Longman, 1999. 184 p.
74. *Skeldon R.* Hong Kong: Colonial city to global city to provincial city? // Cities. 1997. Vol. 14, № 5. P. 265-271.
75. Social Movements in a Global World / ed. Lustiger-Thaler H. // Current Sociology. 2004. Vol. 52, № 4. P. 657-674.
76. *Suttles G.D.* The social order of the slum: Ethnicity and territory in the inner city (Studies of urban society). Chicago : University of Chicago Press, 1968. 266 p.
77. *Taylor P.J.* Hierarchical tendencies amongst world cities: A global research proposal // Cities. 1997. Vol. 14, № 6. P. 323-332.
78. *Taylor P.J.* World cities and territorial states: The rise and fall of their mutuality // World cities in a world-system / eds. Taylor P.J. & Knox P.L. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 48-62.

79. *Taylor P.J.* World city network: A global urban analysis. London : Routledge, 2004. 256 p.
80. *Territorio Globalizacao e Fragmentacao* / eds. Santos M., De Souza M.A. & Silveira M.L. Sao Paulo : Editorial Hucitec, 1994. 332 p.
81. *The city* / eds. Park R.E., Burgess, E.W. & McKenzie R.D. Chicago : University of Chicago Press, 1967. 239 p.
82. *The Handbook of service industries* / eds. Bryson J.R. & Daniels P.W. Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2005. 450 p.
83. *The new political culture* / eds. Clark T. & Hoffman-Martinot V. Oxford : Westview Press, 1998. 312 p.
84. *The tourist city* / eds. Fainstein S., Judd D. New Haven, CT : Yale University Press, 1999. 340 p.
85. *Thrift N., Amin A.* Cities: Reimagining the urban. Cambridge : Polity Press, 2002. 192 p.
86. *Unsettling cities* / eds. Allen J., Massey D. & Pryke M. New York : Routledge, 1999. 386 p.
87. *Urbanization in the world economy* / ed. M. Timberlake. Orlando : Academic, 1985. 408 p.
88. *Valle V.M., Torres R.D.* Latino metropolis. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 2000. 288 p.
89. *Wacquant L.* Inside the zone // *Theory, culture and society*. 1997. Vol. 15, № 2. P. 1-36.
90. *World cities in a world-system* / eds. Knox P. & Taylor P.J. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1995. 348 p.
91. *World city networks and global commodity chains* // *Global Networks*. 2010. Vol. 10, № 1: Special issue.
92. *Wright T.* Out of place: homeless mobilizations, subcities, and contested landscapes. Albany : State University of New York Press, 1997. 430 p.
93. *Zukin S.* Landscapes of power. Berkeley : California University Press, 1991. 338 p.